

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге John R. Searle «The Construction of Social Reality»

выходные данные: The free press, New York, 1995

перевод стр. с 10 по 18

для сдачи кандидатского экзамена

по иностранному языку

(английский)

Выполнил:

Бибарсов Дмитрий Александрович
ассистент кафедры философии

Астрахань – 2021 г.

The Metaphysical Burden of Social Reality

This book is about a problem that has puzzled me for a long time: there are portions of the real world, objective facts in the world, that are only facts by human agreement. In a sense there are things that exist only because we believe them to exist. I am thinking of things like money, property, governments, and marriages. Yet many facts regarding these things are "objective" facts in the sense that they are not a matter of your or my preferences, evaluations, or moral attitudes. I am thinking of such facts as that I am a citizen of the United States, that the piece of paper in my pocket is a five dollar bill, that my younger sister got married on December 14, that I own a piece of property in Berkeley, and that the New York Giants won the 1991 superbowl. These contrast with such facts as that Mount Everest has snow and ice near the summit or that hydrogen atoms have one electron, which are facts totally independent of any human opinions. Years ago I baptized some of the facts dependent on human agreement as "institutional facts," in contrast to noninstitutional, or "brute," facts.¹ Institutional facts are so called because they require human institutions for their existence. In order that this piece of paper should be a five dollar bill, for example, there has to be the human institution of money. Brute facts require no human institutions for their existence. Of course, in order to *state* a brute fact we require the institution of language, but the *fact stated* needs to be distinguished from the *statement* of it.

Метафизическое бремя социальной реальности

Эта книга посвящена проблеме, которая озадачивала меня длительное время: существуют части реального мира, объективные факты в мире, которые являются фактами лишь по соглашению людей. В каком-то смысле, есть вещи, существующие только потому, что мы верим в их существование. Я имею ввиду такие вещи, как деньги, собственность, правительства и браки. Но все же множество фактов, касающихся этих вещей, являются «объективными» в том смысле, то они не зависят от ваших или моих предпочтений, оценок или моральных воззрений. Я думаю о таких фактах, как то, что я являюсь гражданином США, что кусочек бумаги в моем кармане – пятидолларовая купюра, что моя сестра вышла замуж 14 декабря, то у меня есть часть собственности в Беркли, и что New York Giants выиграли суперкубок 1991 г. Это противопоставляется таким фактам, что на вершине горы Эверест лед и снег или что у атомов водорода один электрон, фактам, независимым от мнения любого человека. Годы назад я окрестил факты, зависящие от человеческого согласия, институциональными, в противоположность неинституциональным, или грубым фактам. Институциональные факты зовутся так потому, что они требуют людских институтов для собственного существования. Для того, чтобы, к примеру, этот кусок бумаги стал пятидолларовой купюрой, необходим институт денег. Грубые факты не нуждаются в социальных институтах для своего существования. Конечно, для того, чтобы утвердить грубый факт, нам необходим институт языка, однако установленный факт необходимо отличать от его установления.

The question that has puzzled me is How are institutional facts possible? And what exactly is the structure of such facts? But in the intervening years some curious things have happened. Many people, including even a few whose opinions I respect, have argued that all of reality is somehow a human creation, that there are no brute facts, but only facts dependent on the human mind. Furthermore, several people have argued against our commonsense idea that there are facts in the world that make our statements true and that statements are true because they correspond to the facts. So after attempting to answer my original question How is a socially constructed reality possible? I want also to defend the contrast on which the question rests. I want to defend the idea that there is a reality that is totally independent of us (Chapters 7 and 8). Furthermore, because my method of investigation is to examine the structure of the facts that make our statements true and to which they correspond when they are true, I will also defend (a version of) the correspondence theory of truth (Chapter 9). The last three chapters, therefore, are concerned with defending certain general assumptions about reality, representation, knowledge, and truth.

Some of the questions I am trying to answer in the main argument of the book (Chapters 1-6) are How can there be an objective reality that exists in part by human agreement? For example, how can it be a completely objective fact that the bits of paper in my pocket are money, if something is money only because we believe it is money? And what is the role of language in constituting such facts?

Вопрос, который меня озадачил, звучит так: «Как возможны институциональные факты? Что именно составляет их структуру?» Однако за прошедшие годы случилось несколько интересных вещей. Множество людей, включая тех, чье мнение я уважаю, утверждали, что вся реальность в том или ином является творением человека и что не существует грубых фактов, а только факты, зависящие от человеческого разума. Более того, некоторые из них оспаривали нашу здравую идею того, что в мире существуют факты, делающие наши утверждения верными, а сами утверждения верны, потому что они совпадают с фактами. Итак, после попытки ответить на оригинальный вопрос – как возможна социально конструированная реальность – я также хочу защитить сопоставление, на котором основан вопрос. Я хочу защитить идею того, что существует реальность, полностью независимая от нас (Главы 7 и 8). Более того, так как мой метод исследования предполагает изучение структуры фактов, делающих наши утверждения верными и соответствующих этим фактам при собственной истинности, я буду защищать (версию) теории соответствия (Глава 9). Последние три главы, следовательно, посвящены защите некоторых исходных положений касаясь реальности, репрезентации, знанию и истине.

Некоторые из вопросов, на которые я пытаюсь ответить в основной части книги (Главы 1-6) можно определить так: как может объективная реальность существовать частично по соглашению людей? (Для примера – как может быть полностью объективным фактом, что кусочки бумаги у меня в кармане деньги, если что-то является деньгами, только потому что мы считаем их за деньги?) И какова роль языка в конструировании таких фактов?

To give you a feel for the complexity of the problem, I want to begin by considering the metaphysics of ordinary social relations. Consider a simple scene like the following. I go into a cafe in Paris and sit in a chair at a table. The waiter comes and I utter a fragment of a French sentence. I say, "*un demi, Munich, a pression, s'il vous plait.*" The waiter brings the beer and I drink it. I leave some money on the table and leave. An innocent scene, but its metaphysical complexity is truly staggering, and its complexity would have taken Kant's breath away if he had ever bothered to think about such things. Notice that we cannot capture the features of the description I have just given in the language of physics and chemistry. There is no physical-chemical description adequate to define "restaurant," "waiter," "sentence of French," "money," or even "chair" and "table," even though all restaurants, waiters, sentences of French, money, and chairs and tables are physical phenomena. Notice, furthermore, that the scene as described has a huge, invisible ontology, the waiter did not actually own the beer he gave me, but he is employed by the restaurant, which owned it. The restaurant is required to post a list of the prices of all the *boissons*, and even if I never see such a list, I am required to pay only the listed price. The owner of the restaurant is licensed by the French government to operate it. As such, he is subject to a thousand rules and regulations I know nothing about. I am entitled to be there in the first place only because I am a citizen of the United States, the bearer of a valid passport, and I have entered France legally.

Notice, furthermore, that though my description was intended to be as neutral as possible, the vocabulary automatically introduces normative criteria of assessment. Waiters can be competent or incompetent, honest or dishonest, rude or polite.

Для того, чтобы вы прочувствовали сложность проблемы, я хочу начать с рассмотрения метафизики обыденных социальных отношений. Разберем простую ситуацию. Я прихожу в кафе в Париже и занимаю столик. Приходит официант и я произношу отрывок французской речи. Я говорю: «Половину Мюнхена разливного, пожалуйста». Официант приносит мне пиво, я его выпиваю, оставляю деньги на столике и ухожу. Невинная сцена, однако ее метафизическая сложность действительно ошеломляет, от ее сложности у Канта перехватило бы дыхание, задумайся когда-нибудь он о таких вещах. Заметьте, что мы не можем уловить особенности описания, которое я дал, языком химии или физики. Не существует физико-химического описания, адекватного определениям «ресторан», «официант», «французская речь», «деньги» или даже «стул» и «стол», несмотря на то, что все рестораны, официанты, французские предложения, деньги, столы и стулья – физические явления. Более того, обратите внимание, что вся описанная сцена имеет невидимую онтологию: официант в действительности не владел пивом, которое он мне дал, однако он был нанят рестораном, которому оно принадлежало. Ресторан должен опубликовать перечень цен на все напитки, и даже если я не видел такого списка, я должен только указанную цену. Владелец ресторана лицензирован к своей деятельности французским правительством. Таким образом, он подчиняется тысячам правил и положений, о которых я ничего не знаю. Я имею право находиться там, прежде всего, потому что я гражданин США, владеющий действующим паспортом и въехавший во Францию законно.

Отметим, кроме того, что, хотя мое описание должно было быть как можно более нейтральным, язык автоматически вводит критерий нормативной оценки. Пиво

Beer can be sour, flat, tasty, too warm, or simply delicious. Restaurants can be elegant, ugly, refined, vulgar, or out of fashion, and so on with the chairs and tables, the money, and the French phrases.

If, after leaving the restaurant, I then go to listen to a lecture or attend a party, the size of the metaphysical burden I am carrying only increases; and one sometimes wonders how anyone can bear it.

The Invisible Structure of Social Reality

One reason we can bear the burden is that the complex structure of social reality is, so to speak, weightless and invisible. The child is brought up in a culture where he or she simply takes social reality for granted. We learn to perceive and use cars, bathtubs, houses, money, restaurants, and schools without reflecting on the special features of their ontology and without being aware that they have a special ontology. They seem as natural to us as stones and water and trees. Indeed, if anything, in most cases it is harder to see objects as just natural phenomena, stripped of their functional roles, than it is to see our surroundings in terms of their socially defined functions. So children learn to see moving cars, dollar bills, and full bathtubs; and it is only by force of abstraction that they can see these as masses of metal in linear trajectories, cellulose fibers with green and gray stains, or enamel-covered iron concavities containing water.

The complex ontology seems simple; the simple ontology seems difficult. This is because social reality is created by us for our purposes and

может быть кислым, плоским, вкусным, слишком теплым или просто великолепным. Рестораны могут быть элегантными, некрасивыми, изысканными, вульгарными или вышедшими из моды, и так же со стульями, столами, деньгами, французскими предложениями.

Если, после выхода из ресторана, я пойду слушать лекцию или посетю вечеринку, размер метафизического бремени, носимого мной, только возрастет; и иногда задаешься вопросом – как кто-либо может нести его?

Невидимая структура социальной реальности

Одна из причин того, что мы выносим это бремя, состоит в том, что структура социальной реальности, так сказать, неведомая и невидимая. Ребенок воспитывается в культуре, где он или она принимает социальную реальность как должное. Мы учимся воспринимать и использовать автомобили, ванны, дома, деньги, рестораны и школы, не задумываясь об особенностях их онтологии или ее существовании вообще. Они кажутся нам естественными как камни, вода или деревья. Действительно, во всяком случае, гораздо сложнее рассматривать объекты как просто естественные явления, оторванные от их функциональных ролей, чем видеть наше окружение в терминах их социальных функций. Так дети учатся видеть движущиеся автомобили, долларовые купюры, полные ванны; и только с помощью силы абстрагирования они могут видеть в них массы металла в линейных траекториях, целлюлозные волокна с серыми и зелеными пятнами или покрытые эмалью железные емкости, содержащие воду.

Сложная онтология кажется простой, простая – сложной. Это потому, что

seems as readily intelligible to us as those purposes themselves. Cars are for driving; dollars for earning, spending, and saving; bathtubs for taking a bath. But once there is no function, no answer to the question, What's it for? we are left with a harder intellectual task of identifying things in terms of their intrinsic features without reference to our interests, purposes, and goals.

The invisibility of the structure of social reality also creates a problem for the analyst. We cannot just describe how it seems to us from an internal "phenomenological" point of view, because money, property, marriages, lawyers, and bathtubs do not seem to have a complex structure. They just are what they are, or so it seems. Nor can we describe them from the external behaviorist point of view, because the description of the overt behavior of people dealing with money, property, etc., misses the underlying structures that make the behavior possible. Nor, in turn, can we describe those structures as sets of unconscious computational rules, as is done by contemporary cognitive science and linguistics, because it is incoherent to postulate an unconscious following of rules that is inaccessible in principle to consciousness. And besides, computation is one of those observer-relative, functional phenomena we are seeking to explain.

If neither the internal phenomenological nor the external behaviorist point of view is adequate, what then is the correct stance, the correct methodology, for describing the *structure* of social reality? To start with, in this chapter and the next, I will use a first-person intentionalistic vocabulary to try to lay bare certain elementary features of social ontology. Later, in Chapter 6, I will show how

социальная реальность создается нами для наших целей и кажется нам настолько же понятной, насколько и сами цели. Авто для вождения, доллары для получения, траты и сохранения, ванны для их принятия. Но если нет функции, нет и ответа на вопрос «Для чего это нужно», и мы остаемся с более сложным интеллектуальным заданием определяют вещи с точки зрения их внутренних характеристик без обращения к нашим интересам, назначениям и целям.

Невидимость структуры социальной реальности также создает проблему для исследователя. Мы не можем просто описывать то, как она выглядит для нас с внутренней «феноменологической» точки зрения, так как деньги, имущество, браки, адвокаты и ванны не предстают как сложная структура. Они просто то, что они есть, по крайней мере, так кажется. Не можем мы описать их также с внешней, бихевиористской точки зрения, потому что описание открытого поведения людей, сталкивающихся с деньгами, имуществом и проч., упускает лежащие в основе структуры, делающие такое поведение возможным. Не можем мы, в свою очередь, описать такие структуры как набор бессознательных моделируемых правил, как это делается современной когнитивной наукой и лингвистикой, потому что постулировать бессознательное следование правилам, в принципе доступным для сознания, бессмысленно. И, к тому же, вычисления – это одно из тех обусловленных наблюдателем функциональных явлений, которые мы пытаемся объяснить.

Если ни внутренняя феноменологическая, ни внешняя бихевиористская точки зрения не являются адекватными, какова же тогда верная позиция, методология описания структуры социальной реальности? Для начала в этой и следующих главах я

some, though not all, of the intentionalistic apparatus can be explained in terms of, and ultimately eliminated in favor of, what I have elsewhere called the "Background" of capacities, abilities, tendencies, and dispositions.

Fundamental Ontology

Since our investigation is ontological, i.e. about how social facts exist, we need to figure out how social reality fits into our overall ontology, i.e., how the existence of social facts relates to other things that exist. We will have to make some substantive presuppositions about *how the world is in fact* in order that we can even pose the questions we are trying to answer. We will be talking about how social reality fits into a larger ontology, but in order to do that, we will have to describe some of the features of that larger ontology.

The truth is, for us, most of our metaphysics is derived from physics (including the other natural sciences). Many features of the contemporary natural science conception of reality are still in dispute and still problematic. For example, one might think that the Big Bang Theory of the origin of the universe is by no means well substantiated. But two features of our conception of reality are not up for grabs. They are not, so to speak, optional for us as citizens of the late twentieth and early twenty-first century. It is a condition of your being an educated person in our era that you are apprised of these two theories: the atomic theory of matter and the evolutionary theory of biology.

воспользуюсь от первого лица интенционалистической лексикой, чтобы попытаться выявить некоторые элементарные особенности социальной онтологии. Далее, в главе 6, я покажу как некоторые, но не все, интенциональные механизмы могут быть объяснены в понятиях и, в конечном счете устранены в пользу того, что я называю фоном возможностей, способностей, тенденций и диспозиций.

Фундаментальная онтология

Поскольку наше исследование онтологично, т.е. о существовании социальных фактов, нам необходимо выяснить, каким образом социальная реальность входит в нашу общую онтологию, т.е. как существование социальных фактов соотносится с другими существующими вещами. Мы должны будем сделать некоторые существенные предположения о том, *каков мир на самом деле*, чтобы мы могли задать искомые вопросы. Мы будем говорить о том, как социальная реальность встраивается в большую онтологию, но для этого нам нужно будет описать некоторые особенности этой крупной онтологии.

Правда для нас заключается в том, что большая часть нашей метафизики происходит от физики (включая другие естественные науки). Многие особенности современной естественнонаучной концепции реальности все еще являются спорными и проблематичными: к примеру, можно подумать, что теория большого взрыва никоим образом не обоснована. Однако два характерных свойства нашей концепции реальности не подлежат рассмотрению. Они не являются, так сказать, необязательными для нас, граждан конца XX и начала XXI веков. Условием образованности человека в нашу эпоху является признание атомарной теории вещества и эволюционной биологии.

The picture of reality derived from these two theories, to state it very crudely, is as follows: The world consists entirely of entities that we find it convenient, though not entirely accurate, to describe as particles. These particles exist in fields of force, and are organized into systems. The boundaries of systems are set by causal relations. Examples of systems are mountains, planets, H₂O molecules, rivers, crystals, and babies. Some of these systems are living systems; and on our little earth, the living systems contain a lot of carbon-based molecules, and make a very heavy use of hydrogen, nitrogen, and oxygen. Types of living systems evolve through natural selection, and some of them have evolved certain sorts of cellular structures, specifically, nervous systems capable of causing and sustaining consciousness. Consciousness is a biological, and therefore physical, though of course also mental, feature of certain higher-level nervous systems, such as human brains and a large number of different types of animal brains.

With consciousness comes intentionality, the capacity of the mind to represent objects and states of affairs in the world other than itself. Not all consciousness is intentional, and not all intentionality is conscious. There are, for example, forms of consciousness such as undirected anxiety that do not represent anything; and there are many forms of unconscious intentionality, such as my belief, even when I am not thinking about it, that Bill Clinton is president. However, though there is no necessary connection between being an intentional state at a given time and being conscious then and there, nonetheless, there is an important necessary connection between the two, in that every intentional state that is unconscious is at least accessible to consciousness. It is the sort of thing that could be conscious. An unconscious intentional state has to be in principle accessible to consciousness.

Картина реальности, выведенная из этих двух теории, грубо говоря, выглядит так: мир состоит полностью из сущностей, которые мы считаем удобными, однако не очень точно, называть частицами. Эти частицы существуют в силовых полях и организованы в системы, границы которых заданы причинно-следственными отношениями. Примерами таких систем являются горы, планеты, молекулы воды, реки, кристаллы и дети. Некоторые из этих систем живые; на нашей маленькой планете живые системы состоят из множества углеродосодержащих молекул и очень интенсивно используют водород, азот, кислород. Типы живых систем развиваются путем естественного отбора, некоторые из них развили различные типы клеточных структур, в особенности, нервную систему, способную воспроизводить и поддерживать сознание. Сознание – это биологическая, и, следовательно, физическая, равно как и ментальная особенность некоторых высших нервных систем, как например человеческий мозг и различные типы мозга животных.

Вместе с сознанием приходит интенциональность (направленность) – способность ума представлять объекты и события в мире, отличные от него самого. Не всякое сознание направленно, и не всякая направленность – есть сознание. Например, существуют формы сознания, такие как ненаправленная тревога, которые не отражают ничего, и есть много форм бессознательной интенциональности, например, моя вера в то, что Билл Клинтон является президентом, даже если я об этом не думаю. Тем не менее, несмотря на то, что нет обязательной связи между бытием интенционального состояния в данный момент и бытием сознания здесь и там, существует важная необходимая связь между ними, заключающаяся в

Here, then, are the bare bones of our ontology: We live in a world made up entirely of physical particles in fields of force. Some of these are organized into systems. Some of these systems are living systems and some of these living systems have evolved consciousness. With consciousness comes intentionality, the capacity of the organism to represent objects and states of affairs in the world to itself. Now the question is, how can we account for the existence of social facts within that ontology?

Objectivity and Our Contemporary World View

Much of our world view depends on our concept of objectivity and the contrast between the objective and the subjective. Famously, the distinction is a matter of degree, but it is less often remarked that both "objective" and "subjective" have several different senses. For our present discussion two senses are crucial, an *epistemic* sense of the objective-subjective distinction and an *ontological* sense. Epistemically speaking, "objective" and "subjective" are primarily predicates of judgments. We often speak of judgments as being "subjective" when we mean that their truth or falsity cannot be settled "objectively," because the truth or falsity is not a simple matter of fact but depends on certain attitudes, feelings, and points of view of the makers and the hearers of the judgment. An example of such a judgment might be, "Rembrandt is a better artist than Rubens." In this sense of "subjective," we contrast such subjective judgments with objective judgments, such as the judgment "Rembrandt lived in Amsterdam during the year 1632." For such objective judgments, the facts in the world that make them true or false are independent of anybody's attitudes or feelings about them. In this epistemic sense we can speak not only of *objective judgments* but of *objective facts*. Corresponding to

том, что каждый интенциональный бессознательный план хотя бы доступен для сознания. Это такой тип вещей, которые могут быть осознанными. Бессознательное интенциональное состояние должно быть доступно сознанию.

В итоге получается такой костяк онтологии: мы живем в мире, состоящем полностью из физических частиц в силовых полях. Некоторые из них организованы в системы, часть из которых являются живыми, часть из которых обладает сознанием. С сознанием приходит интенциональность – способность организма представлять объекты и события мира самому себе. Вопрос теперь в том, как мы можем рассчитывать на существование социальных фактов внутри такой онтологии?

Объективность и наше современное мировоззрение

Многое в нашем мировоззрении зависит от нашего представления об объективности и разнице между объективным и субъективным. Как известно, различие заключается в степени, но реже отмечается, что «объективное» и «субъективное» имеют несколько разных значений. Для нашего текущего рассуждения важными являются два значения: эпистемическое чувство разделения субъективное-объективное и онтологическое ощущения. Эпистемологически говоря, «объективное» и «субъективное» являются, в первую очередь, предикатами суждений. Мы часто говорим о суждениях как о «субъективных», когда мы имеем в виду, что их правдивость или ложность не могут быть установлены «объективно», потому что правдивость или ложность – не просто факты, но зависят от различных отношений, чувств или точек зрения создателей и слушателей суждений. В качестве примера такого суждения можно привести следующее «Рембрандт

objectively true judgments there are objective facts. It should be obvious from these examples that the contrast between epistemic objectivity and epistemic subjectivity is a matter of degree.

In addition to the *epistemic* sense of the objective-subjective distinction, there is also a related *ontological* sense, in the ontological sense, "objective" and "subjective" are predicates of entities and types of entities, and they ascribe modes of existence. In the ontological sense, pains are subjective entities, because their mode of existence depends on being felt by subjects. But mountains, for example, in contrast to pains, are ontologically objective because their mode of existence is independent of any perceiver or any mental state.

We can see the distinction between the distinctions clearly if we reflect on the fact that we can make epistemically subjective statements about entities that are ontologically objective, and similarly, we can make epistemically objective statements about entities that are ontologically subjective. For example, the statement "Mt. Everest is more beautiful than Mt. Whitney" is about ontologically objective entities, but makes a subjective judgment about them. On the other hand, the statement "I now have a pain in my lower back" reports an epistemically objective fact in the sense that it is made true by the existence of an actual fact that is not dependent on any stance, attitudes, or opinions

лучший художник, чем Рубенс». В этом смысле «субъективности» мы противопоставляем субъективные утверждения объективным, таким как «Рембрандт жил в Амстердаме в 1632 году». Для таких объективных суждений, факты в мире, делающие их правдивыми или лживыми, не зависят от чьих-либо установок или мнений о них. В этом эпистемическом смысле мы можем говорить не только об объективных суждениях, но и об объективных фактах: объективно истинным суждениям соответствуют объективно истинные факты. Из этого примера должно быть очевидно, что контраст между эпистемической объективностью и субъективностью – вопрос степени качества.

В дополнение к эпистемическому смыслу различения объективного и субъективного существует также связанный с ним онтологический смысл, в котором «объективное» и «субъективное» -- предикаты сущностей и типов сущностей, и они описывают модусы существования. В онтологическом смысле, боль является субъективной сущностью, потому что ее модус зависит от ощущения субъекта. Однако горы, к примеру, в противопоставление боли, онтологически объективны, потому что их модус независимы от любого наблюдающего или любого ментального состояния.

Мы можем ясно увидеть различие между различиями, если поразмышляем над фактом того, что мы можем делать эпистемически субъективные утверждения по поводу сущностей, которые являются онтологически объективными, и, аналогично, мы можем делать эпистемически объективные утверждения об онтологически субъективных сущностях. Например, заявление «Эверест красивее Уитни» касается онтологически объективных сущностей, однако создает субъективное суждение о них. С

<p>of observers. However, the phenomenon itself, the actual pain, has a subjective mode of existence.</p>	<p>другой стороны, суждение «У меня болит в пояснице» сообщает об эпистемологически объективном факте в том смысле, что оно подтверждается наличием реального факта, не зависящего от позиции, отношения или мнения наблюдателей. Однако само явление, реальная боль, имеет субъективный модус существования.</p>
---	---